

Вавилова Виктория Юрьевна

аспирант кафедры философии
Кубанского государственного университета**МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ
РОССИИ И ЗАПАДА
НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Ф. НИЦШЕ****Аннотация:**

В статье анализируется соотношение западной и российской культуры и типов мышления через рассмотрение творчества Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше. Достоевскому представляется будущее только за православной идеей христианства, которая должна спасти не только Россию, но и Европу от ее гибельного пути атеизма, эгоизма и нигилизма. На примере одного из героев Достоевского показывается, как автор представляет себе христианский идеал человека, охваченного любовью к другим людям. Делается вывод о том, что воспринятые европейским нигилизмом этико-антропологические воззрения Достоевского в качестве истины для него самого являются лишь отправной точкой для анализа и доказательства несостоятельности идеи возвеличивания человека.

Ключевые слова:

Ф.М. Достоевский, Ф. Ницше, христианство, православие, католицизм, антропология, Бог, естественный человек, культура.

Vavilova Victoria Yuryevna

PhD student, Philosophy Department,
Kuban State University**CROSS-CULTURAL CONTRADICTION
OF RUSSIA AND THE WEST
BY CASE STUDY OF
ANTHROPOLOGICAL TEACHINGS OF
DOSTOEVSKY AND NIETZSCHE****Summary:**

The article deals with the correlation of Western and Russian cultures and ways of thinking by study of Dostoyevsky's and Nietzsche's works. Dostoyevsky believed that the Orthodox idea of Christianity is the thing of the future, it must save not only Russia, but also Europe from its disastrous way of atheism, egoism and nihilism. By case study of one character of Dostoyevsky, the author shows, how the writer imagined the Christian ideal of a person embraced by love to other people. It is concluded that the ethical and anthropological views of Dostoyevsky perceived by European nihilism as the truth, for Dostoyevsky were just a starting point of the analysis and reasoning of the idea of failure of glorification of a person.

Keywords:

F.M. Dostoyevsky, F. Nietzsche, Christianity, Orthodoxy, Catholicism, anthropology, God, natural man, culture.

Проблема соотношения западной и российской культуры возникает не только тогда, когда противоречие налицо, но и в ситуации, когда, казалось бы, очевидны взаимное понимание, принятие и интерпретация. Европейская культура, согласно Ф.М. Достоевскому, основана на соответствующих природе западного человека буржуазности, католицизму, либерализму и нигилизму – явлениях, тесно связанных и имеющих общую тенденцию: забвение духовности человека. Католицизм представляет собой своего рода приспособление христианства к прагматизму буржуазии, а нигилизм – производное от противоречия буржуазности (материальные причины) и католицизма (духовные причины). Достоевский предвидит «страшные потрясения» в Европе, связанные с внутренним аксиологическим кризисом, и пишет следующее: «Это начало конца. Конец мира идет. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не бывало» [1, с. 672]. Западный мир, движимый интенциями духовного кризиса, идет к краху; путь же подлинной христианской религиозности закончится так: «Победят, несомненно. В конце победа Христа» [2, т. 16, с. 171].

Европейский вариант христианства для Достоевского не абсолютный путь. В христианском мире он находит и анализирует три идеи – католическую, протестантскую и православную. Католическая идея выродилась в нигилизм и господствует во Франции, у нее нет перспективы. Протестантская идея (в Германии) – это протест против стремления католичества овладеть человеком. После смерти католицизма исчезнет и протестантизм. Православная идея господствует в России. Ее стараются не замечать, но будущее лишь у нее. Писатель полагает, что Россию пока не знают и представления о ней примитивные. Применяя европейские мерки, ее не поймут. Россия – носитель нового духа. И она выше цивилизации духовно и нравственнее [3; 4]. Достоевский видит предназначение России в следующем: во-первых, противостоять гибельному европейскому пути, спасти Европу или до того, как она себя «зальет кровью», или после, но спасти; во-вторых, обновить мир новой идеей. «Я убежден, – пишет он, – что судьей Европы будет Россия. Она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны» [5].

Западный тип религиозности породил нигилизм, ярчайшим представителем которого по праву является Фридрих Ницше. Антропология Достоевского произвела на него большое впечатление, однако он же является и основным ее противником. Признавая в Достоевском мастера, близкого по предметности мышления, Ницше не мог принять духовных оснований и следствий нравственной позиции русского писателя. Так, с одной стороны, мы видим восхищение, выраженное следующими словами: «Вы читали Достоевского?... Никто, кроме Стендаля, так не восхищал и не удовлетворял меня. Вот психолог, с которым у меня много общего» [6, с. 186]. Но эта общность и близость скорее технического или методологического плана. Когда речь идет о принципиальных вопросах морали, Ницше непримирим по отношению к Достоевскому, считая, что он был наиболее всех других близок истине, но из слабости не смог ее признать. Под истиной Ницше понимал этику силы, способность утверждать свое личное право и стоять над моралью, в том числе и религиозной. Мир христианских ценностей, выражаемый в произведениях русского автора, находит следующую характеристику в оценке выдающегося нигилиста: «Тот странный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, – мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и “ребячество” идиота...» [7, с. 291]. Вместе с тем именно этот мир – основа основ русской экзистенциальной философии. И дело не в том, что для Ницше ценность представляет сила, а для Достоевского – слабость, а в том, что для Ницше лучше умереть, чем признать собственную слабость и несовершенство, а для Достоевского – нужно иметь силу, чтобы научиться принимать несовершенство человека как в себе, так и в других.

Для Ницше «нет ничего более нездорового среди нашей нездоровой современности, как христианское сострадание» [8], и это утверждение основывается на стойкой вере в смерть Бога. Он называет христианскую мораль выдумкой, обманом, оправданием слабости и источником рабской морали. При этом отречение от Бога в философии Ницше происходит не из слабости, что было бы характерно для героя Достоевского Смердякова, который о богоотречении говорит следующее: «...никакого опять-таки, по-моему, не было бы греха и в том, если б и отказаться при этой случайности от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушие» [9]. Для Ницше равно необходимой является борьба как с малодушием, так и с приписыванием сверхкачеств абсолютным субстанциям. Отсутствие Бога для Ницше означает необходимость возникновения союза «совершенных людей... не знающих пощады и желающих, чтобы их называли “разрушителями”...» [10]. Как таковое разрушение здесь – утверждение собственного абсолютного права на изменение мира под собственные представления о нем, под свою волю и под свои ценности – ценности сильного человека, имеющего право на разрушение того, что, по его мнению, несовершенно.

И герой Достоевского Раскольников мечтал о таком бытии, в котором утверждается право единичного человека заявлять свою силу человечеству. Так он описывает идеал совершенного человека, близкого идеалу сверхчеловека в системе взглядов Ницше: «...те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуrom в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, – а стало быть, и *все* разрешается. Нет, на таких людях, видимо, не тело, а бронза!» [11]. Но Достоевский ясно дает понять, что такая мечта о власти над миром, над жизнями людей, такое стремление заменить собой Бога есть грех гордыни, который обречен на человеческую трагедию. Для Ницше отрицание Бога означает необходимость утверждения сильного совершенного человека, превосходящего традиционное представление о человеке, но Достоевский полагает, что в устранении Бога лежит ключ к гибели человека и всего человечества.

В результате становится ясной взаимосвязь двух антропологических систем. Но эта близость есть лишь близость в общем предмете философской рефлексии. По существу, в предельных основаниях философия Достоевского и Ницше не может быть близкой, как бы это не казалось на первый взгляд. В свое время эту близость усматривает Лев Шестов в своей работе «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» [12], но эта близость – лишь соприкосновение интересов. При этом в текстах Достоевского встречаются высказывания и идеи, близкие идеям Ницше: они вкладываются в уста Раскольникова, Ивана Карамазова, Верховенского и прочих, но вкладываются как рефлексирующее русским мыслителем отражение основных болезненных проблем своего времени и отвергаются как ложные и противоречащие христианской этике.

Все герои Достоевского – это люди одной эпохи и в то же время как бы находящиеся на разных ступенях исторического развития нравственности. В своем романе «Идиот» он сталкивает современных людей, чьи страсти подчинены эгоизму, с человеком, достигшим «полного духовного и нравственного равновесия» [13, с. 413], с князем Мышкиным. Но для нашего времени это утопический герой, который вобрал в себя идеальные черты будущего человека. Сам Достоевский отмечал, что нет ничего труднее на свете, чем изобразить «положительно прекрасного человека» [14].

В то время как Ницше делит людей на рабов и господ, Достоевский наделяет Мышкина такой чертой естественного типа, как бессословность (то есть убежденность, что сословные различия не должны разделять людей, способность легко устанавливать контакты с людьми независимо от социальной принадлежности). Подобный тип личности утопичен, поскольку утопично представление о том, что людей (современных Мышкину и наших современников) можно легко соединить общечеловеческими заботами, вопреки существующим социально-функциональным отношениям. Как правило, объединяются люди примерно одного сословия, считая свои заботы общечеловеческими. А для того, чтобы люди почувствовали общие точки, о которых говорит Мышкин, человечество должно обрести новую ступень нравственного развития; пока же общечеловеческие контакты с людьми созданы в воображении князя; он сознает себя в родстве со всем миром, а между тем является отщепенцем этого же мира.

Другая черта естественного человека – детскость – это внутренняя свобода от собственного мира, чистота помыслов, человечность желаний. В трактовке Достоевского детскость – черта не одного Мышкина, а скрытое или потенциальное свойство русских людей вообще, Мышкин убеждает и Аглаю, и Елизавету Прокофьевну, и Ганю Иволгина, и других не стыдиться присущей им детскости. В таком освещении детскость не только выступает как свидетельство изначально доброй человеческой природы, а служит как бы своеобразным проблеском будущего и символом становящегося. И важно, наверное, не столько то, что эта детскость где-то подспудно живет в людях, сколько то, что ее можно обрести, восстановить.

В образе Мышкина получает дальнейшее развитие и антирационалистическая тенденция Достоевского. Мышкин – это новый тип «чувствительного человека», он приходит к людям с целой программой социального переустройства, но это не «головная теория», а идея-страсть. Он захвачен страстью особого рода: любовью-состраданием к человеку, и страсть эта тоже трактуется Достоевским как стихия национального духа; это, по его мысли, наиболее чистое проявление свойственного русской натуре братства, живущего в ней христианского идеала. Для Ницше последнее качество показательно. Он хвалит Достоевского за то, что он усмотрел в образе Христа идиота, но не приемлет этот образ в качестве положительного.

Мышкин оказывается в весьма своеобразном конфликте с обществом. Он не бунтарь, он приходит к людям со словами любви и уроком собственного примера, он пытается воздействовать на них не логикой, не наставлениями, а силой эстетического впечатления. И вместе с тем Мышкин отвергает этические основы собственнического общества самым фактом своего существования. И это общество пытается дискредитировать его, определить для него место чудака, идиота, живущего придуманными желаниями и чувствами. В этом контексте противопоставленность героев Достоевского часто незаслуженно соотносят с противопоставлением человека обществу в европейском нигилизме. На деле Достоевский не стремится к разрушению общества; он выступает за то, чтобы человек своим жизненным примером сделал это общество лучше.

В результате то, что европейский дух нигилизма воспринял в качестве истинного, в русской культуре есть всего лишь отражение себя, собственная интерпретация (содержащаяся в текстах Достоевского). Проникнуть же в истинные основания русской культуры западной мысли оказалось весьма непросто, ведь для этого на какой-то момент нужно было отказаться от абсолютизации себя и собственной точки зрения.

Ссылки:

1. Неизданный Достоевский: записные книжки и тетради 1860–1881 гг. // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. 728 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 16.
3. Там же. Т. 25. С. 6–9.
4. См. по этому поводу: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М., 1991. 400 с.
5. Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 24. С. 147.
6. Цит. по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. М., 1992. 216 с.
7. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. СПб., 2011. Т. 5. С. 263–330.
8. Там же. С. 270.
9. Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 14. С. 117.
10. Цит. по: Галеви Д. Указ. соч. С. 100.
11. Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 6. С. 211.
12. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше (философия трагедии). М., 2007. 220 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Рецензии // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 237–451.
14. Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 28, кн. 2. С. 251.

References:

1. 'Unpublished Dostoevsky: notebooks and notebook 1860-1881' 1971, *Literary heritage*, Moscow, vol. 83, 728 p.
2. Dostoevsky, FM 1972-1990, *Complete Works: 30 vol.*, Leningrad, vol. 16.
3. Dostoevsky, FM 1972-1990, *Complete Works: 30 vol.*, Leningrad, vol. 25, p. 6-9.

4. See: Kudryavtsev, YG 1991, *Three circles of Dostoevsky*, Moscow, 400 p.
5. Dostoevsky, FM 1972-1990, *Complete Works: 30 vol.*, Leningrad, vol. 24, p. 147.
6. Cit. by: Galevi, D 1992, *Life of Friedrich Nietzsche*, Moscow, 216 p.
7. Nietzsche, F 2011, 'Antichrist. Curse of Christianity', in Nietzsche, F, *Collected Works: 5 vols.*, St. Petersburg, vol. 5, p. 263-330.
8. Nietzsche, F 2011, 'Antichrist. Curse of Christianity', in Nietzsche, F, *Collected Works: 5 vols.*, St. Petersburg, vol. 5, p. 270.
9. Nietzsche, F 2011, 'Antichrist. Curse of Christianity', in Nietzsche, F, *Collected Works: 5 vols.*, St. Petersburg, vol. 5, p. 117.
10. Cit. by: Galevi, D 1992, *Life of Friedrich Nietzsche*, Moscow, p. 100.
11. Dostoevsky, FM 1972-1990, *Complete Works: 30 vol.*, Leningrad, vol. 6, p. 211.
12. Shestov, LI 2007, *Dostoevsky and Nietzsche (philosophy of the tragedy)*, Moscow, 220 p.
13. Saltykov-Shchedrin, ME 1970, 'Reviews', in Saltykov-Shchedrin, ME, *Collected Works: 20 vols.*, Moscow, vol. 9, p. 237-451.
14. Dostoevsky, FM 1972-1990, *Complete Works: 30 vol.*, Leningrad, vol. 28, book 2, p. 251.